

3. Дмитрук О.В. Маніпулятивні прийоми у сучасних ЗМІ / О.В. Дмитрук // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. праць. – №7. – К., 2002. – С.14-21.
4. Ивин А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М.: Наука, 1970. – 247 с.
5. Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста / М.Н. Кожина // Филол. науки. – 1987. – №2. – С. 35-41.
6. Коломієць М.П. Перифрази в сучасній українській мові / М.П. Коломієць // Дослідження з граматики і граматичної стилістики української мови. – Дніпропетровськ, 1984. – 117 с.
7. Космеда Т.А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: Формування і розвиток категорії оцінки / Т.А. Космеда. – Львів: ЛНУ ім. І.Франка, 2000. – 350 с.
8. Масенко Л. Т. Мова і політика / Т.Л. Масенко. – К.: Соняшник, 1999. – С. 38-49.
9. Онищенко І.В. Категорія оцінки та засоби її вираження в публіцистичних та інформаційних текстах: Автореф. дис. ... канд. філол. Наук / І.В. Онищенко. – Дніпропетровськ, 2004. – 18 с.
10. Серажим К.С. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність / К.С. Серажим. – К.: Київ.нац.ун-т ім.Т.Шевченка, 2002. – 392 с.
11. Сергеев В. М. Структура аргумента в научном и публицистическом тексте / В.М. Сергеев // Прагматика текста: Сб. науч. тр. – Казань, 1984. – С. 18-23.
12. Чернописька Л. “Зручна” мова українських інтернет-ЗМІ / Л. Чернописька // Слово просвіти. – Ч.36. – 8-14 вересня 2005 р. – С.3-14.
13. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2000. – 326 с.

Анотація. У статті проаналізовано різноманітні аспекти оцінки та оцінного значення; виявлено особливості реалізації оцінки як семантико-стилістичної категорії в сучасному політичному Інтернет-дискурсі України. Зроблено спробу довести, що однією з провідних ознак оцінної лексики сучасного українського політичного дискурсу виступає процес дисфемізації.

Ключові слова: категорія оцінки, функціональна семантико-стилістична категорія, функціонально-семантичне поле оцінки, перифраз, евфемізм, дисфемізм.

Summary. In this article different aspects of evaluations and evaluative meanings are analysed; peculiarities of valuation's realization as a semantic-stylistic category in modern political Internet-discours of Ukraine are discovered. It has been made an attempt to prove that one of the main signs of evaluative vocabulary in modern Ukrainian political discourse is the dysphemization process.

Key-words: category of evaluation, functional semantic-stylistic category, functional-semantic ground of evaluation, periphrasis, euphemism, dysphemism.

УДК 811.161.1+811.161.1'373.611

ЖИДАЧЕВСКАЯ Е. В.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ –ОИД, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ АНТРОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Среди современных инновационных субстантивов сравнительно большую группу составляют производные от антропонимов, в числе которых доминируют лексемы, образованные на основе известных фамилий русских и украинских политиков, общественных деятелей.

“Высокой продуктивностью в именном инновационном словообразовании отличается суффиксальный способ”, – отмечает исследователь современной украинской лексики А. А. Стишов [8, 123]. В русском языке, по данным многочисленных источников, отмечено увеличение количества новообразований с суффиксом *-оид*.

Этим мотивировано наше обращение к анализу указанных производных. В качестве материала исследования используем не только узуальные слова, но и окказиональные, зафиксированные на страницах современной периодической печати. Обращение к публицистическим источникам связано с высокой популярностью средств массовой информации. Е. А. Земская, известный исследователь лексических новшеств, подчеркнула, что в наше время “газеты читают больше, чем любые другие виды письменности, телевидение смотрит и слушает весь народ”, вследствие чего “язык газет стал средоточием тех процессов, которые происходят в

разных сферах русского языка” [4, 91]. В свою очередь, окказиональное словообразование позволяет всесторонне рассмотреть интересующее нас явление, поскольку в отличие от узуальных слов, которые отражают реализацию ресурсов, накопленных системой языка, характеристика окказионализмов (новообразований) выявляет в полной мере резервы этой словообразовательной системы, потенциал ее будущего развития.

По данным С. А. Бельского, суффикс *-oid* восходит к греческому *-id*, образованному от слова *eidos*, что в переводе означает ‘вид, подобие, образ’ [1]. Следовательно, *-oid* представляет собой русский эквивалент греческого аффикса, ср.: *ганлоид – haploidum*, *нуклеоид – nucloidum*. Можно предположить, что в русский язык данный аффикс вошёл в составе названий семейств животных (*Ranidae* – лягушки, *Ciconidae* – аистовые), ботанических классов и подклассов (*Pteropsidae* – папоротниковые, *Magnoliidae* – магнолиевые). Шагом к освоению новым аффиксом русского языка стали также термины, используемые в астрономии, медицине, математике, химии и т. п. (*астероид*, *планетоид*, *дельтоид*, *тангенсоид*, *пемфигоид*).

Присоединяясь к исконно русским основам, суффикс *-oid* прочно входит в систему языка, становится её активным словообразовательным ресурсом. В Новом толково-словообразовательном словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой находим следующие определения:

*-oid*₁, “Словообразовательная единица, образующая имена существительные мужского рода со значением лица, которое подобно тому, что названо мотивирующим именем существительным”;

*-oid*₂, “Словообразовательная единица, образующая имена существительные мужского рода со значением предмета, который подобен тому, что назван мотивирующим именем существительным” [3, 1117].

Не вызывает сомнений тот факт, что в современном русском языке данный суффикс принадлежит к разряду продуктивных, о чём свидетельствует его активное участие в обогащении не только узуальной, но и окказиональной лексики. Что же касается словообразовательной (морфемной) структуры слов, включающих данный графический отрезок, то этот вопрос, на наш взгляд, является далеко не однозначным.

Если в одних узуальных и окказиональных словах *-oid* безоговорочно воспринимается как словообразовательный аффикс (*монгол-оид*¹, *металл-оид*, *тангенс-оид*, *кучм-оид*, *путин-оид*, *интеллигент-оид*), то в других на современном этапе развития языка считается частью производной, нечленимой основы: *астероид*, *стероид*, *пемфигоид*, *гуманоид*.

Что касается семантики суффикса *-oid*, то традиция описания существительных типа *монголоид*, *эллипсоид* как слов со значением подобия восходит еще к “Грамматике современного русского языка” 1970 года [2, 120–141]. Авторы приводят данную модель как типичный пример эксплицитно выраженного словообразовательного значения подобия. Тем не менее О. А. Лапшина, кроме традиционного, выделяет у данного аффикса значение ‘фигура, кривая, построенная на основе производящего’. Например, *эллипсоид* – ‘поверхность, образуемая вращением эллипса вокруг одной из осей’ (БАС), *циклоида* – ‘плоская кривая, описываемая точкой окружности, катящаяся без скольжения по прямой’. Исследователь указывает на многозначность суффикса *-oid* и подчёркивает нерегулярность передачи ним значения подобия.

Нам представляется более правильным говорить не об отдельном и специфичном значении аффикса, а об оттенке основного значения *-oid*₂, так как всё, построенное на основе чего-либо (в данном случае – *эллипса*, *цикла*), в той или иной мере подобно ему, ср. также: *дифтонгоид*, *параблоид*, *кристаллоид*, *металлоид* и т. д.

Анализ окказионализмов, образованных с помощью суффикса *-oid*₁ (с “личным” значением), позволяет констатировать появление у него негативной оценочной коннотации как результата схожести с тем или иным лицом (лицами): *Пришел последний час “ельциноидов”* (Известия, 29.04.1994); *“Интеллигентоид”*, думается мне, – это нечто прямо противоположное тому типу просвещенного демократа, о котором Горький как-то сказал, что смысл жизни интеллигента в непрерывном накоплении научного багажа и распределении его в “толщах народной массы”. Для *“интеллигентоида”* же научный багаж – лишь элемент личного комфорта. Потому что по своей сути он лишь потребитель (ЛГ, 1980, № 30), ср. также: *кучманоид*, *путиноид*, *ющенкоид*.

Значение ‘лицо – представитель социальных структур или движений, сторонник тех или иных общественно-политических деятелей, которые так или иначе оцениваются говорящим’, особенно характерное для окказиональных новообразований, может передаваться и другими суффиксами: *-ец/-овец*: *путинец*, *зюгановец*; *-ист*: *ельцинист*, *кравчукист*; *-фил*: *кучмофил*; *-ман*: *шевоман*, *довбушоман*. Однако *-oid* обладает несравненно большей негативно-оценочной коннотацией, ср.: *шустеровец* и *шустероид*, *timoшенковец* и *timoшенкоид*, *кучмофил* и *кучмоид*, *ющенковец* и *ющенкоид*, *путинец* и *путиноид*.

¹ Критерием разграничения производных и производных (корневых) слов могут служить данные современных деривационных словарей, а также наличие / отсутствие производящей основы (начального фрагмента слова) в свободном употреблении. Здесь и далее словообразовательная структура узуальных слов приводится по [7].

Отантропонимные существительные, образованные с помощью данного суффикса, активно используются в языке Интернет-изданий. Так, в статье под названием “Кто такой путинOID?” журналист задается вопросом, имеют ли место в энциклопедических словарных статьях подобные новообразования и не несут ли они заведомо негативную оценку деятельности президента Российской Федерации: *В статье, посвящённой президенту Владимиру Путину (в интернет-энциклопедии Wikipedia – Ж. Е.) в разделе “Лексика” присутствуют такие слова, как “путинизм”, “путинOID”... (gazeta.ru, 19.11.07).* Автор делает вывод, что подобные номинации широко представлены в Интернет-изданиях, в том числе с негативными коннотациями. Другой журналист в статье, остро критикующей профессиональную деятельность известного тележурналиста Савика Шустера, с иронией пишет: *...понятно, что великий Шустер является настоящей жемчужиной украинской тележурналистики. И это правда, как любят поговаривать разного рода “шустерOIDы” (dkr.com.ua, 21.11.2008).*

Данный аффикс может кодировать также внутреннее, реальное несоответствие при внешней, поверхностной схожести, например: *интеллигентOID* ‘человек, напоминающий интеллигента, но не являющийся таковым’, ср. также: *врачOID, министрOID, докторOID*. В данном значении синонимичными суффиксу *-oid* будут приставки *псевдо-, лже-, квази-*: *псевдоврач, квазиминистр, квазиавторитет, лжеполитик, лжеакадемик* и др. Одноструктурные существительные с подобным значением, производные от имён собственных, встречаются значительно реже.

Активное функционирование суффикса *-oid* наблюдается и в современном украинском языке: *Державою досі править кліка ще брєжнєвського розливу – замасковані кагебісти, репані комуноїди та браві комсомольські функціонери* (Свобода, сентябрь, 2009, № 46.). Это явление отмечено авторами монографии “Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі”: “Посилюється розмовність літературної мови, що виявляється, наприклад, в активному творенні відомімих похідних. Твірними для них є прізвиська громадських діячів, різного роду керівників і бізнесменів, діяльність яких у свідомості носіїв української мови містить негативну оцінку” [5, 4].

В украинском и русском языках зачастую образуются параллельные дериваты на базе одних и тех же социально значимых онимов: (рус.) *кучmoid* – (укр.) *кучmoid*, (рус.) *путинoid* – (укр.) *путинoid*, (рус.) *коммуноид* – (укр.) *комуноид* и др.

Отметим, однако, что в украинском языке фрагмент *-oid* может быть результатом сочетания интерфикса или финали основы и морфемы, производной от глагола *їсти*, например: *мурах-о-їд, сало-їд, дарм-о-їд*, издавництво “*Букв-о-їд*” и т. д. Данные фрагменты (суффиксальная морфема и сочетание) являются омографами, поскольку отличаются по значению, звучанию (в т. ч. ударению), но одинаково изображаются на письме.

Таким образом, в современном русском (как и украинском) языке отмечается активное функционирование суффикса *-oid* как строительного материала для производства новых лексем от наименований лиц – политических, государственных, культурных деятелей. Отмечается сильная негативно-оценочная коннотация, присущая данному аффиксу, которая выступает частным проявлением общего усиления агрессивности современного языка, особенно ярко выраженной в средствах массовой информации. Исследование подобных наименований позволяет определить “градус” социального накала в отношении к той или иной личности в тот или иной период её деятельности.

Список использованной литературы

1. Бельский С. А. Учебник латинского языка для студентов-медиков / С. А. Бельский / под ред. П. И. Карузина. – М.-Л. : Гос. изд-во, 1930. – Режим доступа: <http://latinsk.ru; gaecolatini.narod.ru>
2. Грамматика современного русского языка. – М. : Наука, 1970. – 754 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Татьяна Фёдоровна Ефремова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 1. А–О. – 1232 с.
4. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Елена Андреевна Земская. – М. : Наука, 1992. – 220 с.
5. Клименко Н. Ф., Карпіловська Є. А., Кислюк Л. П. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі / Ніна Федорівна Клименко : Монографія. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2008. – 336 с.
6. Лапшина О. А Словообразовательная семантика подоби́я в современном русском языке / О. О. Лапшина // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 94. – С. 112–115.
7. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь / Александр Николаевич Тихонов. – М. : ООО “Издательство АСТ” : ООО “Издательство Астрель”. – 2002. – 704 с.
8. Стишов О. А. Українська лексика кінця ХХ століття / Олександр Анатолійович Стишов. – К. : Пугач, – 2005. – 387 с.

Анотація. У статті проаналізовано функціонування афікса -oid в сучасній російській мові. Виявлено появу нових відтінків значення даної морфемі, а також продемонстровано її високу продуктивність в процесі деривації відантропонімних іменників.

Ключові слова: відантропонімний іменник, афікс, продуктивність

Summary. The article deals with the functioning of suffix -oid in nouns, made on the base of proper nouns in modern language. Appearance of new additional meanings of this affix were analyzed by numerous examples. Also high productive ability of suffix -oid were shown, especially in word-formation of proper nouns.

Key words: noun, made on the base of proper noun, productive ability.

УДК 833 (093)

Жуковська Г.М.

ТРАДИЦІЇ “НЕОКЛАСИКІВ” У ТВОРЧОСТІ ЛІНИ КОСТЕНКО

В сучасній українській літературі Ліна Костенко стоїть осібно. Справедливіше буде сказати, вона і в сьогоденному мовчанні вивищується над будь-якими постмодерними викрутасами тих, хто “галасує, голосує”, залишається вірною своїй Музі, незважаючи на виклики часу. Її присутність бадьорить і змушує думати, її слово піднімає глибинні пласти нашої свідомості і вириває нас із безпам’ятства, її мовчання тривожить і викликає безліч запитань, а безкомпромісні чесність і непоступливість захоплюють.

Про неї написано багато, але жодному літературознавцю непідвладна сила і глибина її таланту. Дослідники творчості Ліни Костенко повсякчас намагаються визначити домінуючу її творчого методу і стилю. В цих спостереженнях знаходимо таке: Ліна Костенко “з крові і кости неоромантик”, її творчості характерна “романтична антиклясичність” (Богдан Рубчак [16, 103, 119]); або – “притаманний їй **неореалістичний тип мислення** (підкреслення – Г.Ж.) неминуче надавав їй творам епічного колориту” (Юрій Ковалів [7, 218]), або – “вона продовжувала **естетизм неокласиків** (підкреслення – Г.Ж.) з їх глибокою повагою до культурної традиції, витонченістю і ясністю поетичної мови, витворивши в своєму часі нову форму “поезії глибини і рівноваги”” (Ніла Зборовська [4,78]). Ці та подібні твердження спонукають до нового перечитання поезій Ліни Костенко, відшукування власне її (неореалістичної, неоромантичної, неокласичної чи синтетичної) моделі художньої творчості.

Згадуючи нелегку творчу долю поетеси, Євген Маланюк у “Книзі спостережень” так окреслив основну причину шістнадцяти довгих років замовчування її творчості: “... справа була не в тематиці, а в занадто певнім тоні, занадто суверенній інтонації і занадто яскравій літературній культурі, яка ретроспективно виявляла рівень **20-х років, неокласиків, Плужника ба й ... Яновського**” (підкреслення – Г.Ж.) [13, 226-227].

Уже ця і попередня цитати вказують на спостережені дослідниками традиції “неокласиків”, що знайшли своє продовження у творчості Ліни Костенко.

Найперше, що споріднює ці дві грандіозні поетичні планети це прагнення “зберегти право на власний моральний і естетичний кодекс, виходячи зі свого уявлення про загальнолюдські мистецькі цінності, про деяку незалежність вічного мистецтва від скороминущих виявів поверхні життя, про класичну норму в найзагальнішому (а не тільки суто античному чи суто “парнаському”) розумінні: строга досконалість форми, пошук гармонії духу, повага до “вічних” начал людської душі і відповідний абсолют художньої правди” [2, 281].

В умовах культурного і національного нігілізму “неокласики” сміливо ставили питання про введення “дійсно великих творів старої культури” в український вжиток. Усі вони були свідомі своєї нелегкої місії перед небезпекою різного роду утисків і знищення інакомислячих, про що зокрема М. Драй-Хмара говорив: “Дереворуби, ми столітні хаці/ прорубуєм і морок рвем уцент;/ нехай з фаланги вибува найкращий –/ її ще дужче зміцнює цемент” [3,139]. Ліна Костенко також кинула виклик тоталітарній системі і не поступилась її домаганням обмежити внутрішню свободу митця.

Поетеса надзвичайно вимоглива до себе в прагненні мистецької довершеності своїх творів. Вона переконана у тому, що немає меж поетичної майстерності, досконалість будь-якої строфи